

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ФЕНОМЕНА ЗВЕЗДНОГО НЕБА

Максименко Л.А.¹, Зенец Н. Г.¹

¹ГБОУ ВПО «Омская государственная медицинская академия», (644043, Омск, ул. Ленина, 12), e-mail: msw60@yandex.ru

В статье рассматривается звездное небо как явление духовной культуры. Ставится задача прояснить, чем является звездное небо для человека, какие смыслы вносит данный феномен в жизнь человека и в бытие культуры. В поисках ответа авторы обращаются к философии жизненного мира. В статье показано, что философский образ-перцепт звездного неба является устойчивой предметной референцией, которая визуальнo сопряжена с предельной абстракцией целого. Если космология выступает как предельная форма метафизического вопрошания человека о целом, то звездное небо – как визуализация этого вопроса в жизненном мире. Звездное небо обращает нашу мысль к онтологическим, философско-антропологическим и этико-эстетическим пределам, выводя ее на уровень всеобщего. «Космос культуры» строится на постоянной обращенности к этим пределам. Для культуры в целом звездное небо служит своеобразным камертоном, по которым она настраивает свои ценностные измерения. Для человека звездное небо – аллегория человеческого в человеке.

Ключевые слова: звездное небо, человек, смыслы, метафизика, космология.

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL AND CULTURAL MEANINGS OF THE PHENOMENON OF THE STELLAR SKY

Maksimenko L.A.¹, Zenec N.G.¹

¹Omsk State medical academy, Omsk, Russia (644043, Omsk, Lenin Street, 12), e-mail: msw60@yandex.ru

In this article the stellar sky is considered as a phenomenon of spiritual culture. The task is set, to define what the stellar sky for the person is, what meanings are brought by this phenomenon in human life and in life of culture. In search of the answer authors address to a filosofema of the vital world. It is shown that the philosophical image-percept of the stellar sky is a steady subject reference which is visually interfaced with abstraction of the whole. Cosmology - it is a limit form of a metaphysical question of the person about whole, and the stellar sky - visualization of this question in the vital world of the person. The stellar sky turns our thought to ontologic, philosophical and anthropological and ethic and esthetic limits, bringing it to the level of the universal. «Culture space» is under construction on a constant frontage to these limits. For culture in general the stellar sky serves as a peculiar tuning fork on which it adjusts the valuable measurements. For the person the stellar sky is an allegory of the human in the person.

Keywords: stellar sky, person, meanings, metaphysics, cosmology.

«Две вещи наполняют душу всегда новым
и все более сильным удивлением и благоговением,
чем продолжительнее мы размышляем о них –
это звездное небо надо мною и моральный закон во мне».

И. Кант

Вынесенное в эпиграф данной работы высказывание И. Канта, обладает невероятной притягательностью и несет в себе не только глубокий смысл, но и глубокий вопрос о природе связи этих двух феноменов, о том, чем является звездное небо в бытии человека.

Звездное небо по-разному присутствует в человеческой культуре: как ее некий артефакт, как эстетический, религиозный, поэтический или философский феномен, объект науки. Вопрос

обращен именно к феноменологической стороне этого присутствия: что являет собой для человека звездное небо над головой, какие смыслы вносит в наш жизненный мир данный феномен?

Не будет преувеличением утверждать, что звездное небо приковало к себе внимание человека еще на заре человеческой истории, о чем свидетельствуют различные проявления «первобытного космизма» (О. Фрейденберг). Древнейшие артефакты и на земле, и на небе, многочисленность и почтенный возраст космологических представлений, космогонических и астральных мифов, явные параллели в них между космологией и эмбриологией – все это указывает на особую значимость космической темы в жизни человека.

Объектом философской рефлексии звездное небо стало у древних греков, преломившись в философском понятии космоса. Это понятие в отношении мира в целом впервые применил Пифагор, соединив в нем значения красоты и гармонии. Парадоксальная комплементарность эстетики чувственного восприятия реальности, пронизанного душевными переживаниями, и сугубо рационального восприятия действительности, выражаемого через понятие логоса [6, с.31] в ранней греческой философии, может быть прояснена обращением к гуссерлевской философии жизненного мира. Как поясняет Э. Гуссерль, жизненный мир составляет «почву» всякой, теоретической или внетеоретической практики [2, с.193]. Жизненный мир – мир нашего повседневного опыта, а повседневность ближе всего связана с домом. Находясь в жизненном пространстве дома, мы исходим из докосмического опыта чистых незамутненных интуиций. Он репрезентирует сущее в его явленности и стоит близко к аутентичному переживанию мира с его эстетической чувственностью (в порядке, заведенным в доме).

Греческое *οἶκος* первоначально означало мир семейный, тишину домашнюю, потом приобрело географический (Ойкумена – населённая, обитаемая часть земли и космологический смыслы (Вселенная)). Термин «небо», часто встречающийся в текстах греческих авторов, обозначал то, что замыкает Вселенную, буквально – «крышу мира» [6, с.18]. Космос выступал, с одной стороны, как рациональный организующий принцип, с другой, – как дом (Вселенная).

Крыша в доме – это укрытие, защита, от невзгод. Фразеологизм «крыша над головой» выражает смысл наличия в жизни устойчивой опоры. Платон отмечал, что небо было лучшей и особой гранью космоса, имевшей свое значение и смысл. Без неба человек никогда бы не узнал истинный мир: «Если бы кто-нибудь все-таки добрался до края или же сделался крылатым и взлетел бы ввысь, то <...> он увидел бы тамошний мир. И если бы по природе своей он был способен вынести это зрелище, он узнал бы, что впервые видит истинное небо, истинный свет и истинную Землю» («Федон», 109 е). Небо являло собой не только мир истины, но и саму возможность различения истинного и неистинного мира. Благодаря звездному небу человек имел возможность осознать смысл своего пребывания на земле: «Но когда у отца всего и у рожденных от него богов возникла мысль о человеческом роде, который ближе всего богам, то

души для этого рода на землю послал сам создатель мировой целокупности, причем в числе, равном числу звезд. Возведя их на отведенные для них звезды как на некие колесницы» [1].

Истоки представлений о соотношенности души человека со звездным небом теряются в глубинах индоевропейской архаики, положив начало стойким верованиям и преданиям, связующих и начало и конец человеческой жизни с небесными звездами. Овидий писал, что Прометей, создавая человека, дал ему «высокое лицо» и «прямо в небо глядеть повелел, подымая к звездам очи», а удел остальных животных – «склоняясь в землю смотреть» («Метаморфозы»1, 84-86). В истории культуры весьма многочисленны примеры, фиксирующие духовное притяжение звездного неба. Его глубинный смысл связан с этой овидиевской метаморфозой. Именно существование звездного неба в бытии человека превратило его из животного существа в человека метафизического, способного к различению истинного и не истинного бытия, своего дома, своего истинного места в мире.

Почему именно звездное небо открывает человеку его истинный дом? Дело в том, что звездное небо не является для человека неким «подручным» миром, где он расположен физически. Небо будто вырывает человека из преданного ему мира. Оно открывает человеку возможность встречи с непостижимостью тайны, оно обостряет духовную чувствительность. В этой встрече человек обретает возможность осознать, что его жизнь, и он сам не сводится только к земному – физическому миру, что его место, его дом это – космос, и только тогда он ощущает свою полноту и цельность. Если бы этого прорыва не случилось, не возможны были ни религия, ни философия, сам собой бы отпал вопрос о подлинном бытии человека. Следовательно, феномен звездного неба имеет особый смысл – смысл превращать «*homo sapiens*» в человека философствующего – мыслящего, способного поставить вопрос о подлинности мира и своего смысла существования в нем, осознающего, что его дом это космос как целое.

«Вид ночного звёздного неба с загадочно-прихотливым узором светящихся и мигающих на нем точек, с таинственным молчанием тёмных непроницаемых небесных бездн, с объемлющим меня благоговением и чувством и моего одиночества перед лицом этого неба, и моего сродства с ним – всё это, взятое вместе как нераздельное единство, есть в большей мере реальность, чем астрономическая «действительность», преподносящаяся мне в астрономической теории (всегда к тому же – по крайней мере, в деталях – оспоримой)», – писал С. Франк [10].

Это удостоверение в своей причастности к звездам, сродства с небом, о котором пишет С. Франк, с одной стороны, дается в акте непосредственного видения, исполненного какой-то субъективной внутренней достоверности, т.е. вроде бы являет нам субъективный опыт и образ встречи с подлинной реальностью. С другой стороны, оно не сводится к субъективной исключительности переживаний. Это удостоверение имеет место быть для всех – атеистов и религиозных людей, в прошлом и в настоящем.

Современный мыслитель, однажды проснувшись ночью на чердаке деревенского дома, и увидев небо, усеянное миллиардами звезд, описал захватившее его целиком переживание как столкновение с Суперреальностью: «Передо мной Вселенная с множеством галактик, – не нарисованные изображением, а видимые без посредников своими глазами вечные звездные скопления, <...> проникнутые тем же смыслом, который каким-то образом касается моего сознания. Вечность и Бесконечность передо мной. Я прикасаюсь к ним взором и мыслью, и они как будто втекают через мои органы чувств, не нуждаясь в точных приборах» [9]. Причастность к смыслу этой реальности автор ощущал через взор и мысль одновременно, эйдос и логос возбуждали удивление и тревогу. Когда пришла мысль о Боге, состояние священного трепета, животного ужаса и бессмысленности суетной жизни сменилось внутреннем покоем.

Автор, переживший описанное потрясение, задается вопросом: «Почему приходят такие мысли нерелигиозному человеку? Как складываются сказанные слова?» Этот почти невыразимый опыт «непосредственного и искреннего», проходя через интеллектуальное осмысление, кристаллизуется в понятиях и символах культуры. Звездное небо даже в секулярном сознании остается символом божественной реальности. Бог – в вышине, в Эмпирее, «на небесах». До сих пор этот астрономический смысл неотделим от религиозного. Вышина небес – непосредственное космологическое выражение Божьего господства и исполнения человеческого бытия в Боге. В истории духа современной культуре соответствует буберовская эпоха бездомности. Нет дома, нет крыши над головой. В бесконечной Вселенной мир, потеряв очертания, потерял и эту «вышину». Вопрос «где» Бог»? потерял всякий смысл – «в безднах звездных Галактей» ему не хватило места, «небеса проветрены от Бога» (М. Волошин).

В этом контексте звездное небо символизирует нравственный Абсолют (как бы мы его не выражали), без признания которого никакие императивы не работают. Это не значит, что этическое пребывает в потустороннем мире. Эта символика указывает на то, что недрах человеческой природы присутствует неодолимое стремление, ожидание особого опыта переживания, своей связи с Абсолютом, по-разному именуемое в разных источниках. Человек «находится в общении с миром глубины и миром высоты» (Н. Бердяев). Его метафизическая вертикаль имеет «опору» («низ») вверху, она связана с Космосом, крышей которого является «звездное небо над головой». Сгущенную образность этой мысли выражает метафора К. Кедрова: Космос по-этичен. Нравственный императив Канта – метафизическая максима космического порядка. Две вещи, заставляющие его *благо-говеть* – т.е. давать жить и здравствовать Блугу, – «моральный закон *во мне*» и «звездное небо над головой». Где исток этого Блага? «Закон *во мне*» – это интроспективная проекция «звездного неба». Нравственный космос в душе возможен потому, что есть Космос звездный.

Истоки такой метаэтики архаичны. В славянской мифологии «верхнее небо» именовалось «правь». Из «Голубиной книги» мы знаем, что «Правда пошла к Богу на небо», а Кривда «пошла по сырой земле». Проекты идеальных городов, государств, справедливого социального устройства раньше «списывались с неба» [8]. Отголосок этого – астрально-космическая символика, присутствующая на флагах государств. Она олицетворяет ключевые ценности (свобода, справедливость и т.п.) и высокие идеалы, которые в той или иной форме человек всегда соотносил с небом.

Сегодня мы вынуждены признать, что эта вертикаль существенно пошатнулась. Звездное небо «дано» нам как часть нашего жизненного мира. Но в жизненном мире современного человека ему остается все меньше места. Современный городской человек редко смотрит на звезды. Искусственные звезды расширяющихся в «искусственную бесконечность» мегаполисов заменили ему естественный свет звезд. Неудивительно, что современные исследователи весьма смело проводят прямые параллели между особенностями восприятия звездного неба в древности и спецификой визуальной культуры сегодня. То, что опыт древности воспринимал как «тайну звезд» и «тайну дна», современное визуальное сознание технично интерпретирует в терминах кинематографа и новостного вещания, усматривая в звездном небе лишь «древний экран», «резервуар информации», «монтаж кадров» и «новостной блок». Вопрос о смысле «звездного неба над головой», а заодно и «морального закона внутри» в логике современной культуры можно было заменить вопросом о «смысле телевизионного экрана» в бытии человека. Вывод, о том, что «современная визуальная культура продолжает внутренний диалог человека с мирозданием, начатый многие тысячелетия назад» [7], нам представляется, как минимум, сильно преувеличенным. Увы...

Еще в начале XX века в своем коротком произведении «Жизнеописание одной мысли» С. Кржижановский удивительно точно предсказал судьбу обсуждаемого нами знаменитого кантовского афоризма. Родившись в голове мудреца в тихое полуденное время, Мысль покинула ее и начала «трудовые будни» – сначала в буквах, потом под печатным станком, потом – в витринах, учебниках, диссертациях. И с ней «стало твориться что-то неладное: вдруг звездное небо, как-то странно пожухнув, обвисло стеклящимися, как глаза мертвецов, звездами». Финал ее жизни описан так: «Затасканная по будням, поблекшая, писанная и переписанная, искалеченная ножницами цитаторов, истрепанная о языки студентов, загнанная в тетради и мелкие шрифты примечаний, Мысль изнемогла и стала просить о смерти: съжившееся небо ее, роняя звезду за звездой, облетая изумрудами лучей, обеззвездилось – и зияло черною ямой вверх» [3]. Примечательно, что в то же самое время В. Эрн увидел в этой умирающей Мысли ту же картину, правда, обвинив в ее смерти родителя: «Кант с пафосом говорит о звездном небе, но вряд ли найдется другой философ, который бы с такою силою, как Кант,

обездушивал и обесмысливал звездное небо. Вечную славу звездных пространств, священной переживаемую древностью, средними веками и православием, стали расхищать философы нового времени, и это расхищение до предела своего было доведено именно Кантом. Для Канта звездное небо – только явление чувственности, только голый феномен, беспредельная, холодная пустота, астрономическая карта» [11]. Конечно, отношение русских философов к Канту нельзя назвать теплым. Но речь не об этом.

За смертью кантовского афоризма (в рассказе Крижановского Мысль похоронили рядом с Кантом) стоит аллегоричное описание истоков обсуждаемой нами опасной тенденции в культуре. Ее яркой иллюстрацией может служить тот «апофеоз беспочвенности», которого мы почти достигли в «абсолютной пустоте» вместе с пелевенским Чапаевым, удивляющимся «звездному небу под ногами и Иммануилу Канту внутри нас».

В расколдованном мире современности мы наблюдаем подмену метафизического взгляда на звездное небо научным астрофизическим, астрономическим и т.п. Если такое небо еще удивляет, то скорее какими-нибудь метеоритными опасностями и планетарными катаклизмами. Между тем, удивление, которое вызывала Вселенная у праздного созерцающего её человека, действительно стало стимулом теоретического познания мира. «Научные игры разума» ведут к отказу от наглядной картины мира. Математические модели не визуализируются, тем более, не интерпретируются в терминах жизненного мира человека. Вселенная астрономии оказалась «насильственно вырвана из человеческого мира», хотя, как заметил В. Биbihин, «целая вселенная» оказывается лишь эпизодом, на правах предмета науки входящим в историю человеческого мира». Несмотря на сохраняющуюся убежденность, что только наука знает как устроено мироздание, мы чувствуем, что что-то ускользает от нашего понимания. Глубокий кризис, в котором оказались наука и философия, Э. Гуссерль связывал с утратой телоса, энтелехии, явившихся европейскому человечеству с началом греческой философии. Они были призваны раскрыть подлинный смысл абсолютного рационализма: «Философия, наука была бы тогда историческим движением выявления универсального разума, «врожденного» человечеству как таковому» [2, с.32]. Но этого не случилось.

Как известно, греческая философия началась как космология. Изначально эллинский опыт бытия – опыт видения. М. Хайдеггер неоднократно подчеркивал, что речь идет не о предметно-представляющей зрительной устремленности на что-либо. Речь идет о выступлении навстречу нашему усмотрению самого «объекта», наплывающего на человека, «окликающего» его, т.е., если можно так выразиться, об активности самого мира, бытие само показывает себя человеку, «присутствует здесь». Самопоказующееся бытие как нельзя лучше представляется через звездное небо. Оно является философским образом-перцептом, а также источником исторически устойчивой геометрической метафоры мира как сферы, шара, и такой формы

знания как теория. Суточное вращение неба, как и периодическое изменение его вида, вследствие годового движения Земли, явно демонстрировали идею постоянства, вечности на фоне кажущихся изменений, заключённых в форме круга. Платон поясняя «высшую пользу зрения», говорит, что «мы не смогли бы сказать ни единого слова о природе Вселенной, если бы никогда не видели звезд, ни Солнца, ни неба. Поскольку же день и ночь, круговороты месяцев и годов, равноденствия и солнцестояния зримы, глаза открыли нам число, дали понятие о времени и побудили исследовать природу Вселенной, а из этого возникло то, что называется философией». (Тимей, 48 b). Бог даровал нам зрение «чтобы мы, наблюдая круговращения ума в небе, извлекли пользу для круговращения нашего мышления, которое сродно тем, небесным, хотя в отличие от их невозмутимости оно подвержено возмущению» (Тимей, 48 c). Польза для мышления состояла в появлении теории как такой формы представления, в которой бытие представлялась самотождественным. Подчеркивая значимость этого открытия греческого разума, А. Павленко пишет, что это стало «началом всех начал европейской цивилизации»: «Греки допустили, что чувственно воспринимаемый мир есть ничто иное, как покрывало или занавес, который скрывает другой мир – умопостигаемый мир сущностей» [5].

Наукой о первых сущностях стала метафизика. В истории европейской философии все метафизические понятия, например, такие как Бог, материя, субстанция, бытие, ничто – не только чувственно не воспринимаемы и принципиально ненаглядны, но и в своем пределе не подлежащему никакому определению! По-видимому, поэтому М. Мамардашвили определил философию как «сознание вслух»: «Философский акт состоит в том, чтобы заблокировать в себе нашу манию мыслить картинками. И когда мы убираем картинку и предметные референции из нашего сознания, мы начинаем мыслить. Это означает, что наше мышление всегда гранично или на пределе» [4]. Мышление о предельном, равно как и мышление на пределе – выход на уровень всеобщего, которое по законам формальной логики становится бессодержательным. В поверженной метафизике это стало своеобразной нормой. Но в самом начале, по-видимому, было как-то иначе. Когда место мета-физики еще занимала «физика», т.е. космология, философское удивление распространялось на вещи, которые бросались в глаза. Философский образ-перцепт звездного неба соединял эйдос и логос в предельной абстракции целого, а репрезентантом содержательного постижения целого стала космология. Т.е. между созерцанием и мышлением, эйдосом и логосом еще нет дистинкции. Она будет задана Парменидом, поддержана Платоном, открыв путь для рационального постижения неба. Пока мудрец, выступающий в роли астронома, еще чувствовал звезды как нечто «над собой», он, по выражению Ф. Ницше, еще не обладал взором познающего. Еще позднее потеря этой чувствительности привела к осмыслению феномена звездного неба по разным ведомствам. Перцептивная эйдейтичность звездного неба была редуцирована наукой

астрономией к оптичности, видимости (не случайно номос – это эмпирический, описательный закон). Из эйдоса как идеально-оптической картины смысла исчез смысл. Осталось оптика и картина. Логос превращен в «логику», видение – в акт пред-ставления, поставления перед собой, «нападение» на вещи, «захват». В теоретическом плане на такой «захват» Космоса стала претендовать научная космология. Поэтому неудивительно, что современные физики и космологи часто говорят о бессмысленности постижения Вселенной (Космоса). Смутная память о единстве логоса и эйдоса, запечатленная в феномене звездного неба, осталась в глубинных кодах аксиологии культуры, и в тютчевском «душа хотела б стать звездой...».

Таким образом, феномен звездного неба несет в себе целый ряд философско-антропологических, культурных и онтологических смыслов. То, что человек «состоит» из праха звезд, в горении которых и образовался углерод, не только поэтическая метафора. О своей звездной природе человек догадывается, но только каким-то «шестым чувством». Звездное небо – антропологически и эстетически ясный репрезентант мирового всеединства, физическим выразителем которого является свет. Метафизика звездного света встраивается в человека.

Философско-антропологические смыслы звездного неба связаны с понятиями «Вселенная» и «Космос», которые предстают как антропологические универсалии: к ним обращаются как к моделям для осмысления феномена человека. Мир, Вселенная, Дом, человек – это явления одного порядка. Звездное небо – часть нашего жизненного мира. Столкновение с этой суперреальностью всегда рождает спектр чувств от очарования таинственностью звездного неба до страха перед бесконечной бездной, и во все времена ставит перед человеком смысло-жизненные вопросы: «Зачем мирозданию звезды / И сам человек для чего?» (Ф. Искандер). Задолго до Канта Анаксагор на вопрос подавленного бедами и заботами человека «Ради чего все-таки лучше жить, чем не жить?» ответил: «Ради возможности смотреть на звезды». Это нельзя отнести к каким-то анахронизмам, пережиткам прошлых эпох. Звездное небо производит эффект катарсиса.

Для культуры в целом звездное небо служит своеобразным камертоном, по которым она настраивает свои ценностные измерения. Звездное небо – аллегория человеческого в человеке, его совести. Как поэтически перефразировал Канта Ф. Искандер, их связанность столь же естествена «как связанность соли и хлеба». Начало духовного порядка в душе сродни космологическому началу. И все это как-то близко к простым и понятным человеческим смыслам, к повседневным вещам, к тому что можно назвать жизненным миром.

Онтологический смысл феномена звездного неба связан с заданием тотального горизонта, именуемого «миром». Он создает основание для онтологии культуры, целостности и связанности жизни в мире и мира в жизни. Ведь именно в мирном настроении мы способны почувствовать то, из чего всегда исходим. Если космология выступает как предельная форма

метафизического вопрошания человека о целом, то звездное небо – как визуализация этого вопроса. «Космос культуры» строится на постоянной обращённости ее частей к нему.

Список литературы

1. Альбин. Учебник платоновской философии // Платон. Диалоги. – М.: Мысль. 1986. С. 456.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
3. Кржижановский С. Д. // Жизнеописание одной мысли // http://az.lib.ru/k/krzhizhanowskij_s_d/text_0040.shtml
4. Мамардашвили М. К. Философия – это сознание вслух // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. С. 60-61.
5. Павленко А. Н. Теория и театр. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. —С. 104.
6. Павленко А.Н. Европейская космология: основания эпистемологического поворота. – М.: ИФРАН-Интрада, 1997. – 256 с.
7. Сальникова Е. В. Звездное небо как пространство визуальной информации // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – Вып. 4 (88). – С. 230-237.
8. См. Максименко Л. А., Горнова Г. В. Космос в зеркале города // Преподаватель XXI в. 2010. № 2. С. 257-265.
9. Суворов В. В. Звездное небо – соприкосновение с Суперреальностью или субъективный образ? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 1. С. 84-89.
10. Франк С. Непостижимое // Франк С. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 288-289.
11. Эрн В. Ф. Сущность немецкого феноменализма // Эрн В. Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – С. 319-329.

Рецензенты:

Горнова Г. В., д.филос.н., доцент кафедры философии ОмГПУ, г.Омск;;

Гидлевский А. В., д.филос.н., доцент, профессор кафедры философии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г.Омск.